

Анатолий Галкин

Народные мстители

Анатолий Галкин
Народные мстители

«Автор»

2012

Галкин А.

Народные мстители / А. Галкин — «Автор», 2012

Люди уже привыкли, что полиция ловит не тех, суд судит не так, чиновники делают не то, а депутаты думают не тем местом. У честных простых обывателей возникает желание самим найти справедливость и наказать злодеев. Полиция обвинила пожилого ювелира Шатилова в налете на свой собственный магазин и в убийстве охранника. Это очень удобная версия! Если дожать старика на допросах, то можно закрывать дело и ставить галочку. И вот приходится зятю ювелира Вадиму Дунаеву привлекать друзей и расследовать эту историю, а потом и ряд других запутанных дел. Четверо «Мстителей» разоблачают кражи в музеях, взрывы в больнице, убийства при строительстве элитных коттеджей. А в основе всех преступлений лежит жадность маленьких олигархов. У них уже есть все, но они хотят иметь больше, больше и больше...

© Галкин А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анатолий Галкин

Народные мстители

Глава 1

Цвет пропавшего рубина

В это позднее время уютная Мещанская улица затихала и засыпала. Недалеко был слышен шум Садового кольца, где даже в два часа ночи проносились машины, шурша шинами по сухому бугристому асфальту.

* * *

У антикварного салона «Сезам» тускло горел уличный фонарь и тихо музыка играла. Это из квартиры на втором этаже через открытое окно звучал печальный полонез Огинского. Потом его сменили гитарные переборы и томный голос Окуджавы...

* * *

Странный ночной концерт слышали трое. Это любитель музыки, который не спал в квартире с открытым окном, да еще две непонятные личности, что стояли внизу у салона «Сезам». За кустами у серой стены эти двое, одетые во все черное, старались быть незаметными. Они просто сливались с местностью! Странные граждане всем телом прижимались к холодным кирпичам возле арки, ведущей в проходной двор.

Они ждали, когда наверху закроется окно, а любитель ночных серенад утомится и заснет.

Концерт завершился около трех ночи. В конце Городницкий успел пропеть про атлантов, которые держат небо, Высоцкий про скалолазку, которая шла к вершине, а Визбор про «солнышко лесное».

Потом в комнате на втором этаже все замолчало, закрылись ставни, и погас свет. Люди в черном решили, что пора работать!

* * *

Прямо под окном находился люк в подвал, прикрытый деревянным щитом. Парни подождали еще десять минут и начали свою миссию.

Вероятно, когда-то, еще при царе Горохе, сюда под дом сваливали дрова, торфяные брикеты и уголь. Все это топливо потом сгорало в маленькой котельной и давало тепло всему дому.

Но это было очень давно, когда еще не было сотовых телефонов, картофельных чипсов и батарей центрального отопления.

* * *

Старшего парня звали Павел. Он говорил мало, но в каждом слове слышался неповторимый полтавский акцент.

Именно в руках Паши Харченко появились большие красивые кусачки, достойные ребят из МЧС. Этот инструмент за один укус перегрыз замок на деревянном люке.

Старые ржавые петли скрипнули, когда деревянная створка была поднята и прислонена к стене дома.

Путь в подвал был открыт!

* * *

Харченко шустро спустился вниз. А второй парень по имени Ефим влезал в подвал осторожно, прикрывая за собой скрипучую крышку.

Как только верхний люк был задраен, Павел из Полтавы включил фонарик. Потом он вынул план здешнего подполья и быстро сориентировался.

– Смотри-ка, Ефим, не обманул строитель. Вот стена под салоном. А там дверь в подвалы ювелира.

– Да, молодец старик. Точно нарисовал. А как думаешь, он до сих пор в лесу сидит?

– А куда он денется? Мы его так пугнули, что он пять лет заикаться будет.

– Я тоже думаю, Паша, что строитель сидит сейчас под сосной и дрожит, как осиновый лист...

* * *

Еще вчера утром шеф навел Павла с Ефимом на пенсионера Ивана Прошина, который три года назад был не просто строителем, а маленьким начальником.

Прораб Прошин с бригадой молдаван и таджиков в доме на Мещанской создавал новый антикварный салон «Сезам». Они возились год, соорудив пристройку и переделав подвал.

И вот вчера пенсионера подловили в проходном дворе, за десять секунд скрутили, накинули на голову холщевый мешок и запихнули в багажник синей «Нивы».

От духоты, страха и полумрака дед впал в ступор. Он вышел из полного транса только в лесу за Звенигородом. Ивана Прошина вывели на поляну, сорвали мешок, вручили лопату и приказали копать себе могилу.

От ужаса бывший прораб мог бы поседеть. Но он и так уже был седой, как лунь...

Лопата все время упиралась в корни деревьев, и могила не получалась. Харченко, который был в черной маске, сообщил, что убьет его так и бросит в кусты.

После такой встряски Прошин готов был на все!

Но от него нужен был суший пустяк. Он должен был вспомнить, как монтировали сигнализацию в «Сезаме» и как можно ночью попасть внутрь, минуя все капканы. А, главное, как легче оттуда выбраться?

Испуганный Прошин выложил все!

Оказалось, что «Сезам» открывался очень просто.

Иван нарисовал планы всех помещений, хранилищ, входов и выходов. По его совету в салон надо было проникать не на первом этаже, а через подвал. Там был дверной проем, который молдаване с внутренней стороны заложили фанерой и заклеили обоями. А с внешней стороны стояла дверь, которая держалась на честном слове.

Понятно, что потом на этот проход никто не ставил сигнализацию. Заходите, люди дорогие!

* * *

Харченко обогнул боковую стену и подошел к той самой двери. Опять понадобились мощные кусачки, которые вмиг срезали старый амбарный замок.

Когда открыли дверь, то под светом фонариков чуть покачивалась фанерная плита. Молдаване даже не прикрепили ее! Они просто приставили тонкий лист к двери и заклеили обоями.

Вытащив нож, Ефим прорезал с краев бумагу и потянул на себя фанеру.

«Сезам» открылся без лишних слов!

* * *

В подвале салона «Сезам» продавали красивые детали прошлой жизни. Лучи фонариков выхватывали из темноты бронзовые канделябры, печные изразцы, хрустальные люстры, серебряные самовары и даже трактирную шарманку.

Нельзя сказать, что взломщик сейфов Ефим Нилов был образованным вором, но он любил читать про всякие странности и загадки. Он сразу вспомнил исторический факт о том, что музыкальные ящики завезли в Россию из Парижа через Польшу. Бродячие музыканты играли тогда всего одну мелодию, французскую песенку «Шарман Катрин». Так вот, до сих пор этот инструмент в Варшаве называется «Катринка», а у нас – «Шарманка»...

* * *

Налетчики быстро прошли торговые залы в подвале и поднялись наверх. Тут было больше приличных вещей – мебель на гнутых ножках, тусклые иконы, ковры, мраморные Купидоны с крылышками и картины в золотых рамах.

Но Харченко четко знал, куда он шел! Пенсионер Ваня Прошин, сидящий сейчас в лесу, все объяснил и нарисовал. Он не только строил «Сезам», но и устранял недоделки, когда салон уже всю работу.

Поэтому строитель знал тонкости антикварной торговли.

Рядом с кабинетом директора был стеклянный прилавок, где выставляли дорогую мелочь – серебряные портсигары, николаевские червонцы, табакерки с эмалью, янтарь в золоте и прочие гранатовые браслеты...

Так вот вечером, после закрытия салона черные подносы с этим добром вынимались из витрины и отправлялись в большой сейф в кабинете директора.

Когда Прошин описал вид стального хранилища, Ефим понял, что «Сезам» это не Алмазный фонд. Не тот уровень! Такой сейф он вскроет одной левой!

А еще пенсионер сообщил об охране «Сезама». Есть сигнализация на дверях и окнах, есть один дневной охранник в магазине, но ночных сторожей нет...

И вот тут Прошин ошибся!

* * *

Обстоятельства сложились так, что старший охранник салона Василий Ильич Кочергин в эту ночь ночевал в основном зале. Он лежал на антикварном диване времен Евгения Онегина.

Пятидесятилетний майор запаса спал крепко. Он не слышал шагов и тихих разговоров. Его разбудил только скрежет фомки, вскрывающей директорскую дверь.

Если бы охранник Кочергин был из системы МВД, то он бы нашел способ осторожно слинять, сохранив при этом лицо и голову. Но майор служил в танковых войсках. Он встал с дивана и пошел напролом, как ночью по тайге!

На первый взгляд было видно, что дверь ломает хилый человечек. И если бы Василий Ильич вышел с Ефимом Ниловым один на один, то он показал бы ему, где раки зимуют.

Приближаясь к взломщику, майор честно предупредил гада о своих намерениях.

Ефим бросил фомку, поднял руки и стал ждать.

Он знал, что делает. Сбоку от сторожа за стеллажом стоял Павел Харченко. Он стоял, держа в руках сверкающий бронзовый подсвечник.

А майор Кочергин не видел, что делается у него за спиной. Он смотрел только вперед, только туда, где стоял хлипкий человек с поднятыми руками.

Охранник приказал налетчику повернуться лицом к двери, а руки закинуть за спину. Теперь оставалось найти веревку и связать негодяя!

Ефим сделал вид, что собирается выполнить приказ. Но ему хотелось досмотреть развязку первого раунда.

И вот Паша Харченко, как лесная пума, бросился на два шага вперед. Вот над головой охранника сверкнул бронзовый подсвечник. Вот танкист оглянулся, и сразу получил удар по темечку.

Потом старик вяло повалился на пол, загораживая проход между полками у стены и прилавком.

* * *

Прежде, чем продолжить работу, хлопцы оттащили охранника в центр зала. Павел объявил, что клиент жив, а потому его стоит связать и заткнуть рот кляпом.

Так они и сделали...

* * *

А вскоре, вслед за дверью в директорский кабинет была вскрыта дверца сейфа.

Они разложили на столе и на стульях все подносы, убранные с витрин.

Дорогие вещи блестели и манили. Но шеф велел не зарываться, а взять всего десять предметов. Главное, чтоб среди них был перстень с крупным рубином, который прикреплен на черном бархате между крестом с гранатами и жемчужными бусами.

Подносов с черным бархатом было всего двенадцать. Половину занимали крупные вещи – портсигары, подстаканники, ладанки и иконы-складни в золотых окладах. Отдельно выставились золотые часы с боем и николаевские червонцы.

Поэтому, всякие там серьги и браслеты лежали компактно. И Харченко сразу нашел перстень, который просил шеф.

Павел не знал, зачем боссу понадобилось это барахло? Оправа из простого серебра, а камень слишком крупный. Он слишком ярко блестит, и поэтому не смотрится, как настоящий. Таких больших рубинов не бывает! И у него странный цвет, похожий на сок спелой вишни сорта «Владимирка».

Павел положил перстень во внутренний карман. И после этого наступил праздник! Они с Ефимом стали выбирать себе сувениры.

Шеф разрешил им взять еще десять штук любого товара. А это по пять безделушек на брата...

Они искали, где больше золота. И где на ценнике выше цена.

В какой-то момент Павел сгрэб дюжину червонцев и засунул их в портсигар. Теперь это одна вещь!

Ефим сделал подобное с золотыми часами. Он упаковал их в вышитую бисером женскую сумочку. Теперь и это одна вещь!

* * *

Харченко и Нилов не нарушили приказ шефа. Им досталось по десять «безделушек». Но каждому!

* * *

Молодые люди спят крепко и беззаботно. А после шестидесяти часто нападает бессонница. И многих стариков это обстоятельство мучает, как мигрень или зубная боль.

Но ювелир Яков Шатилов почему-то любил эти романтические ночные бдения.

Конечно, если у тебя нет воображения, и если у тебя плохо с памятью, тогда бессонница действительно тяжкий крест. А Яков Романович обожал вспоминать и мечтать.

Где-то за окном на улице Щепкина светились фонари. На полке у телевизора мерно тикали часы. Рядом тихо и нежно храпела его верная Галина Петровна. А Шатилов лежал, смотрел в потолок и вспоминал свою бурную молодость.

Сорок лет назад все было не так, как сейчас!

Теперь он знал, что надо было делать на ночных свиданиях с влюбленными в него девушками. А тогда он не представлял, как надо действовать...

* * *

Сегодня он все знал, но уже не мог. И только ночью силой своего воображения он изменял прошлое, рисуя новые картины своих любовных походов...

Жаль, что это только мечты. Нет в мире совершенства!

* * *

В эту ночь антиквар думал о других делах.

Вчера вечером впервые в жизни его задержали офицеры полиции. Взяли под руки и привезли на Петровку. Там его допрашивал полковник Федор Серов.

Разговор был жестким. МУР есть МУР!

* * *

Раньше Шатилову тоже приходилось общаться с милицией. Но это были нормальные контакты.

Почти постоянно ребята в форме собирали мелкие взятки. Иногда они искали мелких жуликов. А чаще всего оперативники предлагали Якову Романовичу подписать бумаги о сотрудничестве.

Все знают, что одна из оценок работы ментов и полицаев – количество завербованных агентов. Вот они и привлекали всех подряд.

Но вчера произошло невероятное!

Утром какая-то странная девушка сдала на реализацию серебряный перстень с большим темно-красным камнем. Клиентка предъявила паспорт на имя Вронской Елизаветы Моисеевны. В документе значилось, что ей всего шестнадцать лет.

Шатилов считал себя очень опытным антикваром, но не ювелиром. Он решил, что Вронская принесла искусственный рубин. Поэтому Яков Романович назначил скромную цену и выставил перстень на витрину.

А днем какой-то пронырливый полицейский агент рассмотрел перстень с вишневым камнем и решил, что перед ним натуральный рубин. А это уже совсем другое дело! Это другая цена и другой учет для таких драгоценностей!

Полковник Серов прямо сказал Шатилову, что с такими вишневыми рубинами школьницы по Москве не гуляют.

А чуть позже выяснилось, что у девицы был фальшивый паспорт. Настоящая Лиза Вронская уже два месяца живет в пригороде Лондона в родительском особняке.

* * *

Короче говоря, полковник решил, что завтра утром в салоне «Сезам» начинает работать полицейская засада. И если липовая Вронская сдала перстень, то она наверняка захочет получить за него деньги. А значит, что она непременно придет в салон! Придет, и сразу попадет в западню...

* * *

В эту ночь не спал еще один человек. Правда, с возрастом у него все было в полном порядке. Когда тебе тридцать лет, то все вокруг должно радовать, цвести и пахнуть. Но это, когда все хорошо. А тут все наоборот...

Михаил Лифанов вчера лишился работы. Его уволил некий господин Трощенко – хозяин механического завода на Шаболовке.

Капитализм иногда хорош для простых людей. Но это только тогда, когда «хозяева жизни» адекватны. Изредка так и бывает.

Но чаще всего российские шахты, скважины, заводы и пароходы в руках шальных жуликов, потерявших ориентиры.

Вот и Лифанов попал в жернова дикого рынка!

В свое время Владимир Трощенко стал предпринимателем. Он предпринимал множество жульнических ходов, чтоб захватить завод. Хитрый хохол обманывал людей, намеренно задерживая зарплаты рабочим и скупая у голодных людей ваучеры или акции.

Получив контрольный пакет, Владимир Иванович стал сворачивать производство, освобождать площади и по серым схемам сдавать помещения в аренду.

Он сдавал все – от заводского Дома культуры и заводоуправления до подвалов под цехами.

Как делается везде, уроженец полтавской деревни Трощенко стал подтягивать в Москву своих земляков. Его правой рукой стал бывший полковник ФСБ Василий Сойкин, который работал под «крышей» Фонда содействия ветеранам.

* * *

Миша Лифанов отлично работал на заводе и был на хорошем счету. Но из Полтавы приехала дивчина, которую Василий Михайлович хотел устроить на теплое местечко. И после простой комбинации москвича Лифанова уволили, а хохлушка села на его место.

При расставании Сойкин произнес философскую фразу: «Хозяин – барин». Это закон, по которому теперь жила вся страна.

И совсем неважно, что новый капиталист Трощенко – всего лишь туповатый алкоголик с хитростью деревенского кулака. Раз он сейчас собственник, то значит, что он и хозяин, и барин! А ты, Лифанов, стало быть, его холоп...

* * *

Миша не мог заснуть. И дело не в том, что он потерял денежную работу. Это поправимо. Дело в жгучей обиде.

Мы, славяне, готовы перенести любые лишения, но только подайте нам справедливость! Это нам нужно, как воздух...

* * *

После вечернего разговора с полковником Серовым, антиквар Шатилов позвонил старшему охраннику и попросил его переночевать в салоне. Поскольку засада сядет только утром, то хорошо бы подстраховать вишневый камень от всех неприятностей.

Бывший танкист Кочергин сразу согласился. Он даже предложил идею контрольных звонков.

Договорились так – охранник звонит домой антиквару в десять вечера, в одиннадцать, в двенадцать и в час ночи. А потом в шесть утра, в семь и в восемь. В девять Шатилов сам приходит в «Сезам». А в десять начинает работать полицейская засада...

* * *

Когда Яков Романович прокрутил в голове все перипетии прошедшего дня, подошел час ночи.

Антиквар принял последний контрольный звонок от Кочергина и начал вспоминать свою молодость.

* * *

Перед его глазами возникла первокурсница Оля, с которой он гулял по тенистым аллеям в Нескучном саду. Сейчас он понимал, что девушка ждала поцелуя. Возможно, что она была готова и на большее!

Но молоденький стеснительный студент Яша рассуждал о Кафке, пел девушке Окуджаву и шпарил Есенина. Все «Персидские мотивы» наизусть! Как говорится, «Шагане ты моя, Шагане»...

Около двух ночи антиквар стал в деталях представлять, как он делает с Ольгой все, что нужно делать влюбленным. С этим приятным чувством он и заснул.

* * *

А проснулся Шатилов в шесть двадцать.

То, что танкист Кочергин не позвонил, было странно. Это штатские лица могут балбесничать. А офицер приучен делать так, как сказал!

Яков Романович позвонил охраннику на его сотовый. Телефон был доступен, но никто не отвечал.

Тогда антиквар позвонил в салон. Он знал, что танкист будет спать рядом со столиком администратора. Но и этот аппарат не отвечал.

Шатилов начал волноваться!

Он подождал до шести сорока, и его волнение переросло в панику.

Яков Романович судорожно начал одеваться. Прихватив в кладовке молоток, он выбежал на улицу.

В подъезде Шатилов столкнулся с толстой дамой из седьмой квартиры. А уже на улице Щепкина на бегу поздоровался с соседом по гаражу...

* * *

На первый взгляд в салоне все было нормально. Дверь в «Сезам» антиквар открыл своими ключами. Внутри было светло, и везде был порядок. Мебель стояла, люстры и картины висели, мраморные Купидоны ждали своих покупателей.

И только взглянув на покореженную дверь своего кабинета, Шатилов понял, что страшное уже произошло.

Подбегая к витринной стойке, антиквар наткнулся на связанного Василия Кочергина. Он лежал на ковре, а вокруг головы темнела кровь.

Охранник застонал, и Яков Романович понял, что надо срочно звонить в «Скорую помощь».

Антиквар отбросил молоток, который отскочил от дивана и упал в лужу крови.

Дрожащими руками Яков Романович вытащил сотовый телефон и набрал знакомый номер «03»...

* * *

Это было их свадебное путешествие, хотя медовый месяц они провели полгода назад.

По всем правилам они должны были поехать в вояж сразу после брачной ночи. Но тогда погода в Крыму была мрачная, море холодное, и орхидеи еще не расцвели.

Вообще-то Светлана с Вадиком юмористически воспринимали слова про медовый месяц и свадебное путешествие. Они жили вместе уже три года.

Правда, после похода в ЗАГС кое-что изменилось. Света Шатилова стала Дунаевой. А еще молодые супруги получили штамп в паспорте и отличный повод для шикарного банкета с фатой и криками «Горько».

Но свадьба прошла в феврале, а в июле они начали отдыхать в крымской Ливадии.

Они сняли квартиру на «пяточке». Там, куда подходил автобус из Ялты, и там, где стояло несколько жилых домов. А в ста метрах начинался царский парк со знаменитым дворцом.

Вся обстановка настраивала на торжественный лад. Это был райский уголок! Здесь был волшебный воздух и сказочные виды. Было приятно проходить по тропинкам под пальмами, инжиром и секвойями.

А кругом аромат истории, запах южных цветов и тени забытых предков.

Когда-то вот здесь гуляла семья Николая Второго. А в 1945 году на этой мраморной скамейке сидели Сталин, Черчилль и Рузвельт.

Все это было когда-то. А сейчас тут спускаются к морю Света и Вадим Дунаевы...

* * *

Но в это утро жизнь складывалась не так, как хотелось. После завтрака, собираясь на пляж, они повздорили из-за пустяка и десять минут не разговаривали. Потом начали мириться и сразу завалились на кровать.

Через час им расхотелось идти на море. Но лежать целый день тоже как-то неприлично, хотя и приятно.

Можно было поехать в город. Но в разгар июльской жары тащиться в центр Ялты – это скучно и грустно!

Они начали опять собираться на пляж.

Хочешь, не хочешь, а надо!

Именно в этот момент у обоих начала срабатывать интуиция и возникли неприятные предчувствия.

А уже в парке, когда они проходили у стены заросшей вьющейся глицинией, зазвучал романтический голос певца Адамо. Он пел про падающий снег. Это означало, что на телефон Светланы Дунаевой пришло сообщение.

Они остановились между киоском и гранатовым деревом. Здесь слева была тенистая лавочка.

Заслонив телефон от солнца, Света начала читать вслух.

– Утром отца арестовали за убийство. Салон опечатали. Жду вас. Мама... Это все! Вадик, я ничего не поняла.

– Это ошибка! Не может быть, чтоб Яков Романович... Света, ты посмотри, с какого телефона отправлено письмо.

– Я уже посмотрела. Это мама послала.

– А почему Галина Петровна не позвонила?

– Думаю, Вадик, что такие слова легче написать, чем произнести.

– Да, дела! Не зря мы не хотели на пляж идти.

– Какой тут пляж, когда отец в тюрьме.

– Я уверен, Светочка, что Яков Романович не мог убить. Он тихий, робкий и добрый. Он гуманист! Такие не убивают.

– Да, Вадик, папа не мог! Но мама пишет, что он арестован...

– Света, это ошибка! Наши следователи только и делают, что ошибаются. У них план по арестам!

– А нам что делать?

– Срочно собираемся и едем в Симферополь. Первым же рейсом летим в Москву.

– Сейчас лето, Вадик. Билетов нет.

– А мы взятку дадим! Слава богу, не при социализме живем. Деньги портят людей. Сейчас все можно купить! И все можно продать...

* * *

Допрос шел как-то вяло. Майор Матвиенко чувствовал, что этот приятный пожилой человек не похож на убийцу. Он рассказал свою версию, которая весьма правдоподобна. Но

полковник Серов уже сообщил генералу, что умелыми действиями сотрудников его подразделения убийца задержан.

Да и действительно! Старый антиквар вляпался, как мальчишка.

Против него букет улик!

С вечера Шатилов знал, что в его сейфе дорогой рубин? Знал, а значит, что не хотел его отдавать!.. Он мог инсценировать ограбление? Мог! Но зачем тогда бегать по улице с молотком? Зачем бросать оружие в лужу крови?

* * *

Все вокруг знали, что майор Петр Матвиенко идеалист и «белая ворона». Он взятку не берет!

Майор старался бороться с криминалом, а не искать личной выгоды. И поэтому ему не нравился поспешный арест антиквара.

При обыске в дальнем углу салона нашли подсвечник со следами крови. Эксперты работают с важной уликой. И если окажется, что этот бронзовый раритет и есть настоящее оружие убийства, то Шатилова надо отпускать. Но полковник Серов не даст этого сделать.

Майор вел допрос в доверительном ключе. Он не уважал полицейских, которые заранее презирали подозреваемых, как преступников.

– Скажите, Яков Романович, а потерпевший знал про рубин в сейфе.

– Частично. Я сказал, что у меня в кабинете важная улика, и сыщики завтра начнут у нас засаду.

– А вы знали про дверь из подвала?

– Нет! Вернее, я видел ее мельком до перестройки. Но потом решил, что строители заделали вход капитально.

– А ваш управляющий знал о перстне?

– Нет, товарищ майор! Дело в том, что всю работу в салоне ведет мой зять Дунаев Вадим Львович. А я только присматриваю и консультирую. Но сейчас Вадик с моей дочкой находится в Крыму. У них что-то вроде свадебного путешествия.

– Понятно, Яков Романович! У них медовый месяц?

– Не совсем. Это у меня с Галей был медовый месяц. А Светлана до свадьбы уже три года жила с Вадимом. И это неправильно! Но мы с женой смирились. Такая сейчас молодежь!

– Кстати, о молодежи. Попробуйте, Роман Яковлевич, вспомнить девушку, которая принесла перстень.

– Пытался! Но не могу. Она для меня, как средняя школьница из десятого класса. Вот вы поставьте мне сто китайцев, и я не найду знакомого. Все на одно лицо. Как матрешки на витрине...

– Понятно. Но получается, что девушка не знала, что рубин настоящий.

– Она не знала, товарищ майор! И я принял его за искусственный камень. Или я недосмотрел, или ошибся ваш человек.

– Нет, Яков Романович, наш не мог! Вы – антиквар, а он ювелир...

* * *

Встреча с шефом была назначена на Варшавском шоссе. Не на самой трассе, а в переулочке между бывшими заводскими корпусами. Там уже несколько лет стояли некрашенные заборы, пустые бытовки, безлюдные ангары без окон и дверей.

Ворота на заводской двор были открыты, и Павел Харченко лихо въехал туда на своей синей «Ниве».

Они оба вышли из машины, но в заводской корпус на встречу с заказчиком пошел лишь один Павел.

Ефим Нилов остался во дворе, прикрывая тылы.

* * *

Харченко должен был встретиться с шефом в пустом коридоре административного корпуса. Здесь было грязно и светло. Недавно все двери были сняты и увезены, а окошек в кабинетах не было уже два года.

Павлу нравилась такая конспирация. Он знал, что шеф его земляк, который дослужился в Москве до полковника. У них в Полтаве это очень уважали!

Павлу было сорок лет. И он еще помнил свое детство. Когда в его деревню после армии возвращались хлопцы, то все смотрели на погоны. Если ты ниже старшего сержанта, то позор! Красивая дивчина на такого и не посмотрит...

Но кто такой сержант, а кто полковник?

Поэтому Харченко очень уважал Михалыча. Он был благодарен шефу за то, что полковник вытащил его из скучного села под Полтавой, поселил в Москве и дал хорошую работу. Ты занят в месяц всего два-три дня, а деньги имеешь нормальные.

* * *

Под ботинками Павла скрипели мелкие камни, трещало стекло и шуршали остатки офисных бумаг. Он уже три раза прошел весь коридор до конца.

Харченко спокойно ходил взад-вперед и ждал встречи.

Шеф неожиданно вышел из пустого кабинета и встал на пути Павла. Это был невысокий плотный человек с бородкой. Он больше походил на старого профессора или адвоката.

– Здравствуйте, Михалыч. Я уж давно тут хожу.

– Привет, душегуб! Тебе кто приказывал охранника гробить?

– Так он сам появился. Как черт из табакерки. И я его не гробил. Когда мы уходили, так дед живой еще был.

– Плохо, Паша! Но об этом потом. Сейчас давай перстень.

Харченко полез во внутренний карман куртки и вытащил смятый и грязный носовой платок. Там внутри было завернуто то, ради чего затевалась вся эта комбинация.

Шеф брезгливо взял рубиновый перстень и попытался рассмотреть. Похоже, что это именно та самая вещица.

– Теперь скажи, Паша, зачем ты меня обманул?

– Как это, Михалыч? Да я вас никогда не смогу обмануть!

– Сколько вещей вы взяли себе.

– Ровно по десять штук!

– Но я приказывал всего десять! А в протоколе, Паша, перечислено сорок восемь пропавших предметов. Это как понимать?

– Ошиблись, Михалыч! Там монеты кучкой лежали. Мы посчитали за одну штуку.

– Часы тоже в кучке были? Значит так! Выбросить в реку все вещи, где есть гравировка или особые приметы. Оставить только червонцы и портсигары без надписей.

– Сделаем!

– Теперь вопрос с охранником. Он вас видел?

– Так, в общих чертах. Там темно было, а фонарики только у нас. Когда он на меня посмотрел, то я уже замахнулся. Секунды не прошло!

– Твою рожу и за секунду запомнишь! Значит так. Охранник сейчас в больнице Стеклова. Он в коме, и возле палаты поста нет. Надо все разведать.

– Ясно, шеф. А если он начнет приходить в себя?

– Тогда на месте принимайте решения.

– Какие?

– Решительные и непопулярные!

– Я не понял, Михалыч. Какие решения?

– Кардинальные, Паша!

– Вот теперь все ясно.

* * *

Десять лет назад молодой Вадим Дунаев совершил свою первую коммерческую сделку. Подаренные к двадцатилетию деньги пошли на покупку участка по Калужскому шоссе.

Сейчас эта земля, расположенная рядом с Южным Бутово стала золотой. Но молодые супруги не собирались продавать свою ближнюю дачу.

Это не были хоромы. С самого начала просторный щитовой домик Света назвала «Шалашом». И это название закрепилось...

* * *

В первый день после прилета из Крыма Вадику удалось встретиться с майором Матвиенко. Тот даже не стал допрашивать Дунаева под протокол. В день, когда в «Сезаме» появилась девушка с вишневым рубином, молодожены были в Ливадии. Они уже больше десяти дней наслаждались ласковым морем, крымским вином и друг другом...

Из беседы с майором Вадик понял, что его тесть будет сидеть пока не найдут настоящего грабителя. Здесь помочь может чудо!

Или охранник Кочергин выйдет из комы и наведет на след. Или где-то всплывут украденные вещи. Или бандиты сами грубо проколются.

Но это все из области возможного, но невероятного.

А так – ничего хорошего! Начальство майора Матвиенко уже получило хорошего подозреваемого с уликами. Зачем искать кого-то другого, когда в кутузке сидит антиквар Шатилов? Легче добиться признания и сдать дело в суд.

Но по тону Петра Матвиенко было ясно, что он не очень верит в виновность Якова Романовича. Не верит, но активно возражать полковнику тоже не будет.

Майор был человек честный, но мягкий.

* * *

Светлана оставалась с матерью, утешая ее, а Вадим встретился с одноклассником Мишей Лифановым, и они вместе поехали в Шалаш на Калужском шоссе.

Тут среди тишины, цветов и вишневого сада лучше мыслилось. А подумать было о чем!

– Понимаешь, Миша, нам сейчас надо держаться вместе. Мы должны тестя спасать.

– Да, Вадик. Он у тебя золотой старик. Его надо срочно вытащить на волю.

– Вот именно! А на полицию никакой надежды нет. Только ты нам можешь помочь.

– Не только я. Моя Лера – журналистка. Она многих может на уши поставить.

– Да, Миша, с женами нам повезло! Давай за них выпьем. У меня есть бутылка крымского «Муската». Это настоящее вино, не из магазина. Там у них на Украине тоже рынок. И они тоже дурят нас почему зря! Деньги портят людей...

Они сели за столик между кустами сирени и старыми сливами. Солнце уже заходило, но было тепло, тихо и спокойно. Комаров в это лето почти не было, а соседи наезжали только в выходные.

Для такого случая Дунаев принес из дома хрустальные фужеры и прошлогоднее печенье.

Налили и около минуты смаковали, вдыхая неповторимые ароматы крымской лозы.

– Миша, а ты сам уволился?

– Нет, директор выгнал. Я точно знаю, что работал хорошо, а ему понадобилось на это место своего человека посадить. Мне так и сказали: «Хозяин барин!»

– Ты смотри, Миша, что происходит! Тестя посадили напрасно. Тебя уволили напрасно. И у других то же самое. Очень хочется справедливости. Надо создать честную партию.

– Нормально, Вадим! Ты будешь Генеральный секретарь. А я член Политбюро.

– Нет, серьезно! Вот освободим мы Якова Романовича. Потом накажем твоего Трощенко и других твоих обидчиков. А что дальше? Будет все хуже и хуже. Деньги портят людей...

– Ты прав, Вадик! Очень хочется все вокруг переделать. Так, чтоб для простого народа. Сделать бы такую жизнь, чтоб без взяток, без вранья, без продажной полиции, без карманных судов.

– Все мы не переделаем! Но и терпеть такое нельзя. Скучно жить, Миша, если все время терпеть.

– Это точно!

– Только в открытую на них не погрешь. Нужно что-то вроде тайного общества. Типа «Народные мстители».

– Нормально, Вадик! Будем, как «тимуровцы». Или, как «Зорро». Давай выпьем за тайное общество!

– За справедливость!

* * *

Общение с девушками – это особое искусство. Это не каждому дано...

Харченко сразу заявил, что не сможет познакомиться с медсестрами из больницы имени Стеклова. У него, мол, аллергия на баб в белых халатах.

А для Ефима это было пустяком. Он готов был завязать любовь с кем угодно – с врачихой, с секретаршей или с маляршей.

После телефонного звонка лечащему хирургу, стало ясно, что охранник Василий Кочергин вышел из комы. Послезавтра к нему допустят следователя, а потом и всех остальных.

Надо спешить!

Ефим Нилов всегда хвастался, что после часа знакомства может уговорить любую медсестру.

* * *

Смена в больнице заканчивалась в шесть вечера, и Ефим устроил засаду в десяти метрах от выхода.

Знакомясь с девушкой, обычно спрашивают о погоде, о времени или о дороге в библиотеку.

Но Нилов искал медсестру точно по месту работы. Он прямо так и спрашивал:

– Девушка, вы не из второй хирургии?

С большим сожалением Ефиму пришлось пропустить симпатичных сестричек из кардиологии, неврологии и урологии.

Только четвертая оказалась из нужного отделения. Именно из того, где в реанимации лежал охранник Кочергин.

Девушка была незамужняя, скромная, не очень красивая и уже критического возраста – где-то в районе двадцати семи лет. Это резко облегчало задачу Нилова.

И действительно, Катя Лопахина почти уже поставила на себе крест. Все подружки по медицинскому училищу не просто вышли замуж, а родили детей. У одной появился даже второй ребенок, а трое успели развестись и найти нового мужа.

А Катя еще ни разу не целовалась! Она скрывала этот позор, но отсутствие семьи скрыть было невозможно. Поэтому она ждала и очень ценила редкое внимание молодых мужчин...

* * *

Времени на прелюдию не было, и Ефим сразу пошел в атаку. Он знал, что скромные девушки любят решительных мужчин.

– Подождите, сестричка! Меня зовут Ефим. Вы не злитесь на меня. Про хирургию я глупо спросил.

– Я так и поняла.

– Просто я давно мечтал познакомиться с такой вот красавицей. Вас как зовут?

– Меня зовут Катя. А про красавицу вы, конечно, пошутили.

– Ни в коем случае! Любовь, Катя, она не разбирает черты лица. Она слепа.

– Это я знаю.

– Любят за душу, а не за внешность. И у каждого свой вкус. Кому нравится поп, а кому попадья!

– Это правда.

– У меня, Катя, душа поэта. Вы помните стихи: «Я встретил вас, и все!»

– Помню. Мы это в школе проходили.

– Вот и у меня, как в этих стихах. Теперь я ваш на всю жизнь.

– Правда, Ефим?

– Обижаете, Катя. В этих делах я никогда девушек не обманывал. Можете проверить!

– Как?

– Давайте поближе пообщаемся. Поговорим о нашей будущей жизни, потанцуем и вообще. Вы где живете?

– Мы с подругой снимаем квартирку на Беляево. Но у Марины отпуск, и она уехала в деревню.

– Ясно, Катюша! Значит, что хата свободна и можно ехать. Ради такого дела возьмем такси. Очень хочется, чтоб побыстрее все было...

Ефим взял девушку за руку и повел поближе к оживленной дороге.

Катя Лопахина впервые ощутила такое волнение. Нет, до нее и раньше дотрагивались мужчины. А уж она сама, как медсестра, видела их во всех видах. И делала им уколы во все части тела.

Но это было совсем другое дело! Там были начальники, приятели или больные. А тут ее взял парень, который обещал быть с ней на всю жизнь!

Катя отключилась, как под гипнозом. Она так долго мечтала о встрече со своим любимым, что теперь верила всему. И она готова была на все.

В машине, которая пробиравась через пробки на Профсоюзной улице Ефим обнял девушку и крепко прижал к себе. Это было очень приятно. И Катюша Лопахина уже считала его своим женихом.

А когда в лифте, когда «жених» обхватил ее и поцеловал в губы, она решила, что теперь она уже замужем. И пусть они с Ефимом пока не расписаны и пусть познакомились всего час назад! Это ничего! Так бывает.

Обычное дело – любовь с первого взгляда.

Катя подумала, что после поцелуя они уже близкие люди и должны жить, как муж с женой...

* * *

Однокомнатная квартира в панельной коробке была чистенькой и уютной. На столе белела скатерть. А на ней стояла ваза с яблоками.

Ефим часто бывал в женских общежитиях. И почти всегда девушки при нем наводили порядок, собирая со стола грязную посуду, застилая мятую постель и пряча кружевное белье под подушку.

А здесь было совсем другое дело! На полу коврики, на стенах ковры, на тумбочках салфеточки, на подоконниках цветочки.

Нилов даже посмотрел на Катю с шальной мыслью: может и на самом деле жениться на ней...

* * *

Они заснули под утро.

Ефим совсем не ожидал, что у неопытной медсестры будет столько страсти.

А в перерывах они говорили о любви, о подругах Екатерины, о врачах и больнице.

Нилов узнал, что днем девушка не пойдет на работу. Но вечером у нее начинается ночное дежурство.

– Катя, а ночью в отделении ты будешь одна?

– Да, милый. Только я и больные.

– А дежурный врач?

– Он из урологии и сам никогда не приходит.

– Подумай, Катя, как потихоньку к тебе пройти?

– Я уже думала. Через охрану нельзя. Но в заборе есть проход со стороны детского сада.

А в корпусе есть черный ход. Я открою дверь в одиннадцать вечера...

* * *

Днем Ефим начал расспрашивать Катерину про больных: кто, где, как и почему? Особенно его заинтересовало ограбление антикварного салона и пострадавший там охранник.

Катя даже позвонила на пост отделения и узнала, что Василий Кочергин действительно вышел из комы и начал осмысленно говорить. Сегодня утром его перевели в нормальную палату, а потом вдруг направили в элитный одноместный люкс под номером восемь. Непонятно почему, но сам главный врач распорядился именно так.

А завтра утром к Кочергину придет следователь. Сестры сказали, что про ограбление охранник все вспомнил. И прямо в палате будут составлять фоторобот...

* * *

Дунаевы и Лифановы, прежде всего, распределили роли. Они решили искать бандитов по разным направлениям.

У них был список похищенного и даже фото некоторых вещей. Поэтому Света Дунаева должна была сесть за компьютер и рассылать письма всем антикварам и ювелирам. Она сообщила, что ее отца Якова Шатилова подставили и посадили в СИЗО. Дальше шла просьба о помощи.

О ситуации с салоном «Сезам» знали многие. Шансов было мало, но цеховая солидарность должна была сработать. Никто не дает своих в обиду. Даже ювелиры.

Журналистка Валерия Лифанова планировала написать серию статей и поднять всю прогрессивную общественность на защиту антиквара Якова Шатилова.

Миша Лифанов искал девушку, которая сдала на продажу перстень с вишневым рубином. Тут сразу наметились два направления.

Первое – покопаться в окружении Лизы Вронской, по документам которой та школьница сдавала дорогой камень. Конечно, Елизавета сейчас в Лондоне, и ее не спросишь. Она могла просто потерять российский паспорт, который ей сейчас не очень нужен. Но возможно, что новая англичанка оставила документ дома или отдала подруге. Надо искать!

А второе направление еще интересней. Сотрудница «Сезама» заметила, что хозяйка рубина сразу из магазина пошла на автобусную остановку. И там к ней начал клеиться одноклассник этой продавщицы некий Герман Шмаков. Они вместе сели в автобус и куда-то поехали. Надо искать!

* * *

А Вадик Дунаев, как управляющий салона «Сезам» решил навестить своего сотрудника Василия Ильича Кочергина.

В больнице Стеклова была нормальная деловая обстановка. Встречая посетителей, все медики ждали подарков и взяток.

Получив конверт с пачкой долларов, лечащий врач сразу понял, что больной с травмой головы не простой охранник, а элитный человек. Раз за него платят, то тут нужен специальный уход.

Доктор намекнул Вадиму, что пациент поправляется семимильными шагами. Он уже сам ходит и сам говорит. Кочергина недавно положили в шестиместную палату. Но это ошибка! Через десять минут его переведут в одиночку с телевизором, холодильником и собственным туалетом.

* * *

Отдельная палата номер восемь действительно была хороша. Она была похожа на гостиничный номер отеля на четыре звезды.

Как бывший офицер, танкист Кочергин чувствовал себя виноватым. Это все из-за него! Если бы он задержал бандитов, то не было бы кражи, не посадили бы Якова Романовича, не суетился бы Вадим Дунаев.

– Я их найду, Вадим Львович! Я их рожи хорошо запомнил. Завтра придет следователь, и я потребую, чтоб немедленно делали фоторобот.

– А особые приметы у этих людей были?

– Были, Вадим Львович. Один из них был в форме охранника. Я пять лет этим делом занимаюсь и сразу определяю фирму.

– Откуда он?

– Из охранной конторы «Гарднер». Но это я вам говорю, Вадим Львович. А следовательно не скажу.

– Почему?

– Мой друг сидит в руководстве «Гарднера». Зачем им лишние заморочки?

– Да, Василий Ильич. Я сам это проверю, но аккуратно.

– Или мы вместе проверим, когда я выйду отсюда.

– Я только вот чего боюсь, Василий Ильич. Вы кому-то говорили, что запомнили бандитов в лицо? И про другие улики?

– Конечно, говорил! И врачам, и сестрам, и ребятам в палате.

– Это плохо! Вдруг эти отморозки проникнут сюда ночью. Они не любят оставлять свидетелей.

– Пусть попробуют! Я им врежу. Скручу обоих, как бобиков.

– Пока не надо, Василий Ильич. Давайте так, я попрошу главного врача, чтоб он дал ключи от своего кабинета. Пойдете туда ночевать. Но только без шума. Пусть все думают, что вы здесь спите...

* * *

Найти Германа Шмакова было не таким простым делом. По домашнему телефону подошла мать Геры и сказала, что уже месяц, как рассорилась с сыном. Он ушел, сменил номер телефона. По ее словам, «он живет у очередной шалавы».

Пришлось Лифанову ехать в институт, где периодически появлялся студент Шмаков. Но сегодня для Германа был неприсутственный день.

В шумный перерыв между лекциями Миша Лифанов поодиночке ловил в коридоре однокурсников свободного студента. Один из них за десять баксов согласился дать новый телефон Геры. Этот же парень сообщил, что последние дни Шмаков стал нервный, хмурый и недоверчивый.

Стало ясно, что Герман не пойдет на контакт с неизвестным человеком. Пришлось Михаилу возвращаться в «Сезам» и обращаться к продавщице, которая была его одноклассницей.

Девушка быстро все поняла. Она позвонила Шмакову, на ходу сочиняя таинственную и интригующую историю, где вскользь упоминались школьные подружки Геры. В конце продавщица пригласила парня в антикварный салон.

– Завидую я тебе, Гера. Ты – счастливчик! Но это не телефонный разговор. О деталях скажу при встрече...

* * *

Герман был осторожный, но и любопытный.

Он пришел в «Сезам» через час. Одноклассница была в дальнем конце магазина. Она помахала ему рукой, но Шмаков не успел до нее дойти. Кто-то обнял его сзади, сгреб в охапку и потащил в кабинет директора.

Решительными действиями Михаил ошеломил противника. Гера даже подумал, что его взял в оборот полицейский следователь. Парень спросил об этом. Но Лифанов ничего не ответил. А молчание – знак согласия!

Достав лист чистой бумаги, Миша приготовился писать «протокол».

– Вы наверняка знаете, гражданин Шмаков, что в этом салоне произошла кража и нанесение тяжких телесных повреждений охраннику? Это почти убийство!

– Знаю, товарищ следователь. Но не наверняка знаю, а знаю случайно, живу я здесь рядом.

– Это мы знаем. А еще мы знаем, что за день до грабежа вы были около салона и встречались с кем-то на автобусной остановке.

– С кем я встречался? Вы на что намекаете? Если вы про Марианну, то зря! Я ее просто проводить хотел. А она меня сама к себе домой затащила. Но у нас с ней почти ничего не было. Мы только начали чуть-чуть, и я быстро слинял. Ей на вид и шестнадцати нет. Зачем мне под статью лезть?

– Вы уже под нее залезли. Но я попытаюсь вас не привлекать, если вы поможете.

– Как?

– Расскажите все про Марианну. Где и с кем живет? В какой школе учится? Есть ли у нее друзья в уголовной среде?

– Я ни про какую среду не знаю! И про школу ее не знаю! Она вообще мало говорила. Это я всю дорогу трепался. Про ее фигурку, про любовь и всякое такое...

– Об этом, Шмаков, потом поговорим. Что вам известно о Марианне?

– Значит о ней, товарищ следователь?

– Да, о ней!

– Понятно! Марианна живет на Проспекте Мира. Дом, который перед Рижской эстакадой. Напротив булочной. Квартира номер четырнадцать.

– С кем она живет?

– Отца у нее, кажется, нет. Нет, и никогда не было. А про мать она сказала, что та приходит с работы в семь.

– Дальше говорите, Шмаков. Опишите всю обстановку в квартире.

– Обстановка шикарная. Как в музее, или как у олигархов! Но я в квартире мало что видел. Мы, как вошли, так сразу стали целоваться. И она сама тянула меня в спальню. Мне тогда сразу стало ясно, что она хочет! Но я не дурак! Я вырвался и убежал.

– Не верю тебе, Шмаков! Такая девушка тащила в постель, а ты убежал? Твердый ты человек. Кремень!

– Нет, я нормальный человек! Но я трус. Зачем мне с малолеткой под уголовную статью лезть?

* * *

В одиннадцать вечера было уже темно. Харченко оставил свою синюю «Ниву» в переулке, и сто метров они прошли пешком. Влюбленная Катя Лопахина точно описала Ефиму дорогу.

Прохожих в этом месте вообще не было. И перелезть через забор детского сада было пустяковой задачей. Нилов легко перемахнул преграду, а вот Харченко задержался и даже порвал куртку.

Потом в углу, где детские грибочки, они обнаружили дыру в заборе – проход на территорию больницы Стеклова.

Теперь оставалось осторожно добраться до хирургического корпуса и найти нужную дверь. Счастливая Катя Лопахина должна была открыть черный ход заранее.

* * *

Когда до двери оставалось двадцать метров, Паша Харченко притормозил и затаился. Влюбленная Катя могла встречать своего «жениха», а в этом деле нужна конспирация. Их не должны видеть вместе.

* * *

Ефим один пошел вперед. По их плану Харченко должен был сидеть в кустах двадцать минут. Надо подождать, пока Нилов встретит свою «невесту», пока он обнимет ее, пока поцелует. И когда Катя забудет обо всем на свете, то можно начинать действовать...

* * *

Поднимаясь на третий этаж, Нилов вспоминал последние сутки. Екатерина, конечно, была не только хороша, но и слишком активна. Должно быть, она к двадцати семи годам изголодалась по мужской ласке и пыталась получить все и сразу.

Такая ненасытность в первые часы их общения нравилась Ефиму. Но потом он утомился! Любовь – хорошее дело, но всему же есть граница...

Подходя к кабинету медсестер, усталый Нилов с удовольствием вспомнил, что идет на последнее свидание с Екатериной. Если протянуть время и начать встречу с легких поцелуев и чашечки кофе, то можно ничего не успеть.

А через двадцать минут Харченко разнесет в щепки палату номер восемь! И тут уже будет не до любви.

Но Ефим просчитался! Счастливая медсестра набросилась на него с порога. Он что-то мямлил про чашечку кофе, но Катя и слушать ничего не хотела. Она тащила его к кушетке. И парень сдался. Мужская гордость заставила его подчиниться.

Пусть без охоты, пусть через силу, но он начал исполнять свой долг!

* * *

В последний час медсестра Лопихина ждала любимого. Она была, вроде глухаря на токовище. Девушка ничего не слышала и думала только об одном моменте.

Конечно, она не заметила, как элитный больной Кочергин покинул палату номер восемь и перешел в кабинет главного врача.

И тем более об этом не мог знать Павел Харченко, который поднимался на третий этаж, сжимая в руке осколочную гранату РГД-5.

По коридору он шел, точно зная, где комната дежурной медсестры, а где палата номер восемь.

Открыв дверь этого одноместного люкса, Паша не стал даже зажигать верхний свет. При тусклой лампочке ночника была видна шикарная мебель, деревянная кровать в дальнем углу и что-то лежащее на ней.

Харченко взялся за кольцо, вырвал чеку, наклонился и резким броском покатил гранату по полу...

* * *

У него было всего четыре секунды! За это время Павел успел добежать до лестничного пролета и начать спускаться.

Он не знал, что граната закатилась точно под пустую кровать, которую при взрыве приподняло и отбросило в центр комнаты.

Взрывная волна застряла в коридорах третьего этажа, а Харченко был уже внизу. За секунды он пролетел все ступени и повороты. Паша заранее оставил открытой дверь черного хода. Выбегав на улицу, он рванулся к забору, ведущему в детский сад. Там в кустах он будет ждать Нилова...

* * *

Ни Ефим, ни Катюша не успели попасть на вершину блаженства. После взрыва им стало не до любви.

Наскоро одевшись, Нилов с Лопахиной выбежали в коридор, где висел туман из пыли, копоти и дыма. С трудом можно было различить, что дверная коробка палаты номер восемь вырвана из стены и валяется посреди прохода.

Нилов взял Катю за руку и потащил к лестнице.

– Милая, мне надо бежать.

– Почему?

– Сейчас полиция приедет. Они скажут, что это теракт и свалят все на меня. Сначала меня посадят, а потом и тебя.

– Как это?

– А вот так, Катя! Это ты знаешь, что я не виноват. А они нарисуют отличную версию. Ты меня привела, а я взорвал.

– И что нам делать?

– Бежим вниз! Я уйду через черный ход, а ты закрой дверь и опять наверх. Но обо мне ни слова! Я сам тебя найду...

* * *

Через три минуты Ефим Нилов сидел в синей «Ниве», которую Харченко медленно вел по спящим переулкам.

В ночной тишине был слышен вой полицейской сирены. Но это было уже далеко...

* * *

Не надо быть гением, чтоб понять, кого хотели взорвать в палате номер восемь. Танкист Кочергин сразу поставил все точки на свои места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.